

Сказка Туве Янссон

" В конце ноября "

Глава 11

На рассвете, когда ноябрьская ночь медленно превращалась в бесцветное утро, с моря пришел туман. Он клубился, поднимаясь по склонам гор, сползал в долину, наполняя ее до краев. Снусмумрик проснулся пораньше, с тем, чтобы провести несколько часов наедине с самим собой. Его костер давно погас, но ему не было холодно. Он владел простым и в то же время редким искусством сохранять свое собственное тепло и теперь лежал, не шевелясь, стараясь снова не впасть в сон. Туман принес в долину удивительную тишину и неподвижность.

Снусмумрик вдруг встрепенулся, сон сразу же слетел с него. Он услышал, хоть еще не очень ясно, свои пять тактов.

"Хорошо, – подумал он, – выпью чашку черного кофе, и они будут мои". Но как раз этого ему бы сейчас не следовало делать.

Утренний костер занялся и быстро разгорелся. Снусмумрик наполнил кофейник речной водой и поставил его на огонь. Он сделал шаг назад, наступив нечаянно на грабли хемуля, и растянулся на земле. Со страшным грохотом покатились вниз к реке какая–то кастрюля, из палатки высунул свою большую морду хемуль.

– Привет!

– Привет, привет! – ответил Снусмумрик.

Хемуль, замерзший, сонный, приковывая к огню со спальным мешком на голове, с твердым намерением быть приятным и любезным.

– Ах эта жизнь на природе! – воскликнул он.

Снусмумрик подал кофе.

– Подумать только, – продолжал хемуль, – слышать таинственные звуки ночи, лежа в настоящей палатке! Кстати, у меня в ухе стреляет, у тебя нет какого–нибудь средства?

– Нет, – сказал Снусмумрик. – Тебе с сахаром или без?

– С сахаром, желательно четыре кусочка, – ответил хемуль.

Грудь у него уже согрелась, и поясницу ломило не так сильно. Кофе был очень горячий.

– Знаешь, что мне в тебе нравится, – доверительно сказал хемуль, – то, что ты такой молчаливый. Можно подумать, что ты очень умный. Мне хочется поговорить о моей лодке.

Туман начал редеть и подниматься, вот уже проступила вначале черная земля, потом большие сапоги хемуля... Но голова его все еще оставалась в тумане. Он чувствовал себя вроде бы как всегда, только вот с ушами было что–то неладное. От кофе в животе у него потеплело, он стал вдруг беспечным и весело сказал:

– Послушай, мы, кажется, понимаем друг друга. Лодка Муми–папы вроде бы стоит на причале у мостков возле купальни. Точно?

И они стали вспоминать: мостки, узенькие, полузатонувшие, раскачивающиеся на темных сваях, купальню с остроконечной крышей, с красными и зелеными стеклами и крутой лесенкой, спускающейся к воде.

– Мне думается, лодку вряд ли там оставили, – сказал Снусмумрик и оставил кружку. Он подумал: "Они, наверно, уплыли на ней, но говорить о них с этим хемулем я не хочу".

Но хемуль наклонился к нему и сказал серьезно:

– Надо пойти проверить. Лучше идти вдвоем, чтобы нам никто не мешал.

Они пошли, и скоро их фигурки исчезли в тумане, который поднялся и поплыл над землей. В лесу он напоминал огромный белый потолок, опирающийся на темные стволы деревьев. Это была неповторимая и торжественная картина. Хемуль молчал и думал о своей лодке.

Лодочная пристань ничуть не изменилась, парусная лодка исчезла. Жига из водорослей и ила лежала выше уровня высокой воды, а маленький челнок был вытасен на берег к самому лесу. Временами в разрывах тумана отчетливо виднелись море, берег и небо. По–прежнему стояла удивительная тишина.

– Знаешь, что со мной происходит? – воскликнул хемуль, – что–то совершенно... совершенно невероятное! У меня больше не болят уши.

Ему вдруг ужасно захотелось довериться, откровенно рассказать о себе, но от смущения он не мог найти нужные слова. Снусмумрик издал неопределенный звук и пошел дальше. Вдоль всего берега, насколько хватало глаз, тянулась темная гряда, мокрая от воды, – под грудой водорослей и тростника скопилось все, что прилив и шторм выбросили на берег. Разбитые в щепки бревна были утыканы гвоздями и всякими покорежившимися железками. Море поглотило берег, подступив прямо к деревьям, и в их ветвях застряли водоросли.

– Штормило, – сказал Снусмумрик.

– Я стараюсь из всех сил, – воскликнул хемуль за его спиной.

Снусмумрик издал, как всегда, неопределенный звук, означавший, что он слышал сказанные ему слова и добавить ему нечего.

Они пошли по мосткам. Под ними медленно колыхалась в такт движению воды коричневая масса. Это были водоросли, оторванные со дна волнами. Внезапно туман растаял, и берег стал самым пустынным берегом на свете.

– Ты понимаешь? – спросил хемуль.

Снусмумрик сжал трубку зубами и уставился на воду.

– Угу, – сказал он. И, немного погодя, добавил: – Мне думается, борта маленькой лодки нужно собирать внахлест.

– Да, – согласился хемуль. – Для маленьки лодок это гораздо лучше. И их нужно смолить, а не покрывать лаком. Я смолю лодку каждую весну, прежде чем отправляюсь в плавание. Вот только с парусом я не могу решить, какой лучше: белый или красный. Белый – это всегда хорошо, так сказать, классический цвет. Зато если подумать, красный парус – это смело. Что ты на это скажешь? Может, красный это слишком вызывающе?

– Нет, почему же, – отвечал Снусмумрик, – пусть будет красный.

Ему хотелось спать, хотелось лишь одного – залезть в палатку и закрыться там ото всех.

Хемуль всю дорогу рассказывал про свою лодку.

– У меня есть одна странность, – говорил он. – Все, кто любит лодки, для меня ну просто родные. Взять, например, Муми–папу. В один прекрасный день он поднимает парус и уплывает. Вот так безо всяких, уплывает и все! Совершенно свободный! Иногда, знаешь, мне кажется, что мы с ним похожи. Правда, немножко, но все–таки похожи.

Снусмумрик издал неопределенный звук.

– Да, в самом деле, – спокойно продолжал хемуль, – а ведь недаром его лодка называется "Приключение". В этом заключен большой смысл.

Они расстались у палатки.

– Это было прекрасное утро, – сказал хемуль. – Спасибо, что ты меня слушал.

Снусмумрик закрыл палатку. Оттого, что она была зеленая, каждому, кто находился в ней, казалось, что снаружи всегда светит солнце.

Когда хемуль подошел к дому, уже наступил день и никто не знал, что хемулю подарило это утро. Филифьонка отворила окно, чтобы проветрить комнату.

– Доброе утро! – закричал хемуль. – Я спал в палатке! Я слышал ночные звуки!

– Какие звуки? – спросила Филифьонка и закрепила крючком ставни.

– Ночные звуки, – повторил хемуль. – Я хочу сказать: звуки, которые раздаются по ночам.

– Вот оно что, – сказала Филифьонка.

Она не любила окна, они ненадежны – ветер их то распахивает, то запахивает... В северной гостиной было холоднее, чем за окном. Она села перед зеркалом и стала снимать бигуди. Ее слегка знобило. Она думала о том, что окна у нее всегда выходят на север, даже в ее собственном доме. И все–то у нее идет шиворот–навыворот: волосы не высохли как следует (и немудрено в такую–то сырость!), кудряшки повисли как проволока, а ведь утренняя прическа – такая важная вещь! Да еще Мюмла сюда явилась! В доме пахнет сыростью и запустением и повсюду лежит пыль. Комнаты нужно проветрить, устроить хороший сквозняк, нагреть побольше воды и сделать генеральную уборку...

Но стоило только Филифьонке подумать про генеральную уборку, как голова у нее закружилась, к горлу подступила тошнота, и на одно страшное мгновение она повисла над пропастью. Она знала, что никогда больше не сможет заниматься уборкой. "Как же я стану жить, если не смогу ни убираться, ни готовить еду? – подумала она. – Ведь на свете нет больше никакого стОящего занятия".

Она спустилась с лестницы очень осторожно. Все сидели на веранде и пили кофе. Филифьонка оглядела их. Она взглянула на помятую шляпу Онкельскрута, на нечесаную голову Мюмлы, на круглый затылок хемуля, слегка покрасневший от утреннего холода. Вот они сидят тут все вместе. И до чего же красивые волосы у Мюмлы! И вдруг Филифьонка почувствовала страшную усталость и подумала: "Они меня совсем не любят".

Она вошла в гостиную и огляделась. Хемуль завел часы, постучал по барометру. Мебель стояла на своих местах, и все, что когда–либо происходило в этой гостиной, было чужое и непонятное и знать ее не хотело.

Филифьонка вдруг бросилась в кухню за дровами. Она жарко натопит печь, согреет дом и всех, кто надумал поселиться в нем.

– Послушай, как там тебя зовут, – закричал Онкельскрут, стоя у палатки. – Я спас предка! Моего приятеля – предка! Она забыла, что он живет в печке. Как только она могла! А теперь лежит на кровати и плачет.

– Кто? – спросил Снусмумрик.

– Ясное дело, эта, с горжеткой! – воскликнул Онкельскрут. – Вот ужас–то!

– Она скоро успокоится, – пробормотал Снусмумрик.

– Онкельскрут удивился. Он был очень разочарован. Он постучал палкой по земле и сказал про себя много нехороших слов, потом пошел к мосту. Там сидела Мюмла и расчесывала волосы.

– Ты видела, как я спас предка? – строго спросил он. – Еще секунда, и он бы сгорел.

– Но ведь он не сгорел, – сказала Мюмла.

– Молодежь нынче ничего не понимает, вы какие–то бесчувственные. Вы, похоже, и не думаете восхищаться моим поступком, – проворчал Онкельскрут и вытащил из воды сачок. Он был пустой.

– Рыба в реке водится только весной, – сказала Мюмла.

– Это не река, а ручей. Мой ручей, и в нем полно рыбы.

– Послушай, Онкельскрут, – спокойно возразила Мюмла, – это и не река, и не ручей. Это речушка. Но раз семья муми–троллей называет ее рекой, значит, это река. Что ты все споришь о том, чего нет и никогда не было?

– Потому что так интереснее!

А Мюмла все чесала и чесала свои волосы, и гребень шуршал, как волны по песчаному берегу, – легко и равнодушно.

Онкельскрут встал и сказал с большим достоинством:

– Если даже ты видишь, что это речушка, зачем говорить мне об этом? Что за кошмарные дети, зачем вы огорчаете меня?

Мюмла очень удивилась и перестала причесываться.

– Ты мне нравишься, – сказала она. – Я вовсе не хотела тебя огорчить.

– Хорошо, – обрадовался Онкельскрут, – но тогда перестань говорить о том, что есть на самом деле, и дай мне видеть все так, как мне приятно.

– Я постараюсь, – обещала Мюмла.

Онкельскрут был сильно взволновал. Он потопал к палатке и закричал:

– Эй ты там в палатке! Скажи: ручей это, река или речушка? Есть там рыба или нет? Когда ты, наконец, выйдешь оттуда и заинтересуешься хоть чем–нибудь?

– Сейчас, – сердито ответил Снусмумрик. Он внимательно прислушался, но Онкельскрут больше ничего не сказал.

"Надо идти к ним, – подумал Снусмумрик. – Неудобно. И зачем я только вернулся сюда, что у меня с ними общего, они ничего не понимают в музыке. – Он перевернулся на спину, потом лег на живот, зарылся мордочкой в спальный мешок. Что бы он ни делал, они все равно являлись к нему в палатку, они все время были рядом – беспокойные глаза хемуля, Филифьонка, плачущая на кровати, хомса, который все время молчал, уставясь в землю, разъяренный Онкельскрут.. Они были тут же, они засели у него в голове, и к тому же в палатке пахло хемулем. – Надо выйти отсюда, – подумал Снусмумрик. – лучше быть с ними, чем думать о них. И как они не похожи на семью муми–троллей. С ними тоже было нелегко. Они были повсюду, они хотели все время разговаривать с ним. Но с ними можно было чувствовать себя как будто наедине с самим собой. "Как же это им удавалось? – удивился Снусмумрик. – Ведь я был с ними каждое лето и не замечал, что они давали мне возможность побыть одному".